

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ,
ПРЕДУСМОТРЕННОЕ ПУНКТОМ «А» ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 131 УК РФ:
ДОСТИЖЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ И СОБЛЮДЕНИЕ ЗАКОННОСТИ**

В статье обсуждаются положения уголовного законодательства, позволяющие привлекать к уголовной ответственности за изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей. Анализу подвергаются особенности реализации принципов справедливости и законности, заложенных в данную правовую норму.

Ключевые слова: изнасилование, потерпевшая, неосторожность, справедливость, законность, квалификация.

В соответствии с ч. 1 ст. 6 Уголовного кодекса РФ «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Судебная практика Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что данное требование принципа справедливости при квалификации преступлений применяется им достаточно активно. В частности, наглядным примером служит практика применения уголовно-правовой нормы об ответственности за изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей, – п. «а» ч. 4 ст. 131 Уголовного кодекса РФ (в ред. Федерального закона от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ).

Так, Верховным судом Республики Мордовия 17 сентября 1997 г. Ф. осужден по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 131 Уголовного кодекса РФ (в ред. Федерального закона от 27 июля 2009 № 215-ФЗ – п. «а» ч. 4 ст. 131 Уголовного кодекса РФ) к лишению свободы. Он признан виновным в покушении на изнасилование группой лиц несовершеннолетней Ж., повлекшем причинение по неосторожности смерти потерпевшей при следующих обстоятельствах. Десятого августа 1996 г. Ф. и Р. находились на балконе между восьмым и девятым этажами дома по проспекту 60-летия Октября г. Саранска, где также находилась Ж. Далее Ф. стал требовать от Ж. совершения с ним полового акта,

начал срывать с нее одежду и спустил с себя брюки, а Р. приказывал быстро раздеться, готовясь к изнасилованию после Ф. Потерпевшая, осознавая неотвратимость группового изнасилования и пытаясь спастись, влезла на окно декоративной решетки балкона, но упала на асфальт и разбилась насмерть.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 12 февраля 1998 г. приговор оставила без изменения, а кассационную жалобу адвоката – без удовлетворения [1. С. 5–6].

Вряд ли в данной ситуации можно признать соответствующим правилам формальной логики вменение Верховным Судом РФ Ф. квалифицирующего признака «изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей». К тому же это противоречит другому, более раннему решению Верховного Суда РФ.

Так, действия И., осужденного за изнасилование потерпевшей, повлекшее ее смерть (выбросилась с балкона 9-го этажа), были квалифицированы по п. «а» ч. 3 ст. 131 Уголовного кодекса РФ (п. «а» ч. 4 ст. 131 Уголовного кодекса РФ). Верховный Суд РФ при кассационном рассмотрении дела в отношении И. пояснил: «По смыслу закона этот квалифицирующий признак предполагает причинение потерпевшей смерти непосредственно во время изнасилования при преодолении сопротивления либо наступление смерти ввиду обострения заболевания потерпевшей». В связи с этим «самоубийство потерпевшей, последовавшее в результа-

те изнасилования, должно рассматриваться как иные тяжкие последствия, которые указаны в п. «б» ч. 3 ст. 131 Уголовного кодекса РФ». В связи с этим приговор при кассационном рассмотрении дела был изменен, действия И. переклассифицированы с п. «а» на п. «б» ч. 3 ст. 131 Уголовного кодекса РФ [2. С. 19].

Из сказанного явствует позиция Верховного Суда РФ: по п. «а» ч. 4 ст. 131 Уголовного кодекса РФ должно квалифицироваться причинение потерпевшей смерти непосредственно во время изнасилования либо наступление смерти после изнасилования, но в результате его совершения (например, ввиду обострения заболевания потерпевшей).

Вернемся к преступлению, совершенному Ф. Согласно ч. 1 ст. 131 Уголовного кодекса РФ под изнасилованием понимается «половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей». Из этого следует, что половое сношение является обязательным элементом изнасилования. Поскольку полового сношения с потерпевшей Ф. не совершил (была лишь окончившаяся неудачей попытка его совершения), то и не было изнасилования.

По п. «а» ч. 4 ст. 131 Уголовного кодекса РФ квалифицируется изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей. При этом общественно опасные последствия (смерть потерпевшей), что также вытекает из решения Верховного Суда РФ по делу И., должны быть связаны причинно-следственной связью с изнасилованием. Так как изнасилования не было, то и смерть наступила не от него, а от какого-то другого деяния. В данном случае в качестве такого деяния выступает покушение на преступление, признаки которого описаны в ч. 3 ст. 30 УК. Именно они (но не изнасилование) повлекли по неосторожности смерть потерпевшей.

В связи с этим, по правилам формальной логики, да и по закону, по п. «а» ч. 4 ст. 131 Уголовного кодекса РФ содеянное Ф. квалифицировать нельзя. В противном случае квалификация вступает в противоречие с одним из требований принципа законности, согласно которому применение уголовного закона по аналогии не допускается (ч. 2 ст. 3 Уголовного кодекса РФ).

Еще более очевидные противоречия можно наблюдать в юридической литературе при комментировании квалифицирующе-

го признака «изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшей». Так, авторы одного из учебников по уголовному праву пишут: «Причинение смерти или тяжкого вреда здоровью потерпевшей может быть вызвано как самими действиями виновного, например, сдавливанием шеи при преодолении сопротивления, так и явиться следствием поведения самой потерпевшей, стремящейся избежать насилия (потерпевшая, пытаясь скрыться от нападающего, срывается с балкона). Указанные последствия могут быть вменены виновному лишь в том случае, если они явились результатом насильственного полового сношения, т. е. если имеется причинная связь между действиями виновного и наступившими последствиями» [3. С. 101].

Та же самая ситуация: авторы говорят о необходимости установления причинной связи между половым сношением и общественно опасными последствиями и в то же время отказываются от этого требования при оценке последствий, явившихся следствием поведения самой потерпевшей, стремящейся избежать насилия.

С другой стороны, квалификация содеянного по п. «а» ч. 4 ст. 131 Уголовного кодекса РФ отвечает требованиям принципа справедливости. Именно в этом случае наказание будет соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления. Поэтому позиция Верховного Суда Российской Федерации относительно рассматриваемого вопроса, по нашему мнению, соответствует принципу справедливости.

Однако как разрешить возникшую проблему? Каким принципом следует руководствоваться при квалификации данного и подобных ему случаев: принципом справедливости или принципом законности?

Вопрос о соотношении этих принципов уже долгое время относится к разряду дискуссионных. Например, С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев отдают приоритет принципам законности и равенства граждан перед законом. По мнению авторов, «их ведущее положение определяется прежде всего тем, что в основе этих уголовно-правовых принципов лежат одноименные принципы, закрепленные Конституцией СССР (ст. 4 и 34). Ведущее положение названных принципов определяется, далее, тем, что на них основаны и другие уголовно-правовые принципы, являясь, в сущности, их модификациями, конкретизацией. Нет сомнения в том, что, например, принцип неотвратимости ответственности основан на принци-

пе равенства граждан перед законом» [4. С. 64–65]. Основное, приоритетное место законности уделял и М. С. Строгович [5. С. 175].

Иная точка зрения у П. А. Фефелова: «Правомерно ли полагать, что принципы гуманизма, демократизма, справедливости, ответственности основываются на принципах законности и равенства граждан перед законом? Скорее, наоборот, требования законности и равенства перед законом вытекают из идей справедливости, демократизма и гуманизма» [6. С. 41].

Представляется, что законность не может претендовать на ведущее место в системе принципов уголовного права, поскольку она характеризует лишь форму, «внешний вид» права, в то время как справедливость определяет содержание права, его сущность, а следовательно, детерминирует и форму. На этом основании в уголовно-правовой литературе законность именуют формальным, а справедливость – содержательным принципом [7. С. 93; 8]. Однако недопустимо жертвовать законностью ради достижения справедливости. Даже несправедливый закон должен подлежать применению, но только до скорейшей замены такого закона другим – справедливым. В противном случае при несоблюдении закона ради достижения справедливости для одних лиц имела бы место несправедливость для других. Следовательно, законность выступает необходимым гарантом справедливости, заключая последнюю в то же время в жесткие рамки обязательности.

Принцип справедливости может использоваться как средство толкования уголовного закона, но не как повод для нарушения законности и, в частности, для применения аналогии закона. И это при том, что, во-первых, наша судебная практика богата случаями принесения законности в жертву справедливости, во-вторых, что уголовный закон не всегда совершенен и часто противоречит справедливости.

Считаем, что единственным выходом из рассматриваемой ситуации, связанной с квалификацией неоконченных преступлений с двумя формами вины, является внесение изменений и дополнений в уголовный закон.

Поэтому следовало бы дополнить ст. 30 Уголовного кодекса РФ частью 4 примерно следующего содержания: «Если в результате покушения на преступление причинены общественно опасные последствия, влекущие более строгое наказание в случае, предусмотренном соответствующей частью или пунктом статьи Особенной части настоящего Кодекса, то уголовная ответственность лица наступает по части или пункту этой статьи со ссылкой на ст. 30 настоящего Кодекса».

Список литературы

1. *Бюллетень* Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 8.
2. *Бюллетень* Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 3.
3. *Уголовное право* Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. А. И. Рагога. М., 2004.
4. *Келина С. Г., Кудрявцев В. Н.* Принципы советского уголовного права. М., 1988.
5. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.
6. *Фефелов П. А.* Принципы советского уголовного права // Изв. высш. учеб. заведений. Серия: Правоведение. 1989. № 2. С. 36–43.
7. *Осинов П. П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976.
8. *Кропачев Н. М.* Принципы применения мер ответственности за преступления // Изв. высш. учеб. заведений. Серия: Правоведение. 1990. № 6. С. 72–73.

Материал поступил в редколлегию 02.03.2010

T. R. Sabitov

LIABILITY FOR CRIME, STIPULATED IN P. «A» PART 4, ARTICLE 131, CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: JUSTICE ACHIEVEMENT AND LAW LEGITIMACY

Regulations of Criminal Law, posing criminal liability for rape with accidental fatal consequences, are considered in the article. The peculiarities of implementation of justice and legitimacy principles, put as the basis of this procedure, are analysed.

Keywords: rape, victim, accident, justice, legitimacy, qualification.